

Ярослав Смирнов

ВСПЫШКИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ярослав Смирнов

Вспышки

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Смирнов Я. А.

Вспышки / Я. А. Смирнов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Яркий калейдоскоп жизни, полный противоречий и крайностей. Детские воспоминания и несчастные случаи. Рок-музыка и дичь девяностых. Гламур и контрабанда. Политическая грязь и многое другое. Содержит нецензурную брань.

Содержание

От автора	5
Глава 1 С.С.С.Р.	6
Глава 2. девяностые – это дичь	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

От автора

Привет, думающий читатель. Хочется надеяться на то, что именно «думающий» – это не сарказм или ирония, это – факт. Не думаю, что мои повествования, которые вырисовываются в такие небольшие книги, будут интересны большой серой массе, обывателю, погрязшему в «бытовухе», пропагандистских новостях и телевизионных шоу с дурным вкусом, с ведущими Малаховыми, Галкиными и прочими Бузовыми.

Хочется надеяться и верить, что ты, читатель, понимаешь, о чем я. Иначе, ты бы не читал эти строки. Эта книга – очередная попытка сказать о том, что мне хочется. Вначале я хотел написать снова о своей жизни и о ярких событиях, произошедших со мной (собственно, сама первая часть – об этом). Однако, поскольку на написание всего текста ушло порядка пяти месяцев, я понял, что вторая часть книги может перелиться в отдельную большую историю, и я попросту в ней погрязну.

Я имею в виду часть, которая называется “Мой должник”. Я решил оставить всё, как есть, подкрепив её своими личными знаниями, мнением по этим вопросам, и попытался разобраться в этом болоте. Мы можем не интересоваться политикой, но политика всегда будет интересоваться нами – без этого никуда.

Не скрою, у меня есть волнение и небольшой страх за издание и публикацию этой книги только из-за её второй части, особенно учитывая сегодняшнюю ситуацию, когда за высказывания альтернативного мнения, за репосты и посты в социальных сетях люди получают срок. Но молчать нельзя – тогда чем бы я был лучше этих запуганных, молчаливых и послушных овец? Опять идти на компромисс, заткнуться и делать вид, что всё хорошо – так мы только это и делаем. Я имею право на свое социальное высказывание, которое мне разрешает конституция. Конституция, которую марают и подстраивают под себя.

Как я издам свою работу, я ещё не знаю – может, это будет самиздат, может, только для своих в личной пересылке в интернете, а может – подпольная независимая частная типография. В любом случае, те, кто захочет, её прочитают. Ох, как мне всё это напоминает далекий Советский Союз, когда всю интеллигенцию давили, выживали, стреляли и ссылали. Чистка мозгов – отсюда и имеем такое современное общество.

Вспышки: Жизнь. Политика. Творчество. Именно в таком порядке и с большой буквы, всё в моей новой книге. Приятного чтения.

(Ярослав Смирнов, осень 2018)

Глава 1 С.С.С.Р.

Прежде чем начать свое изложение, я бы хотел сделать небольшое пояснение, что же в данном контексте будет означать слово «вспышка». Всё очень просто: это – наша память. У каждого из нас бывали, и надеюсь, ещё будут яркие события в жизни, о которых мы будем вспоминать и рассказывать о них друзьям, собираясь в шумных компаниях по выходным. Собственно, эта книга о моих воспоминаниях, о самых ярких и, как мне кажется, интересных событиях, произошедших со мной.

Я родился в 1982 году – в том году, когда умер Брежнев. Об этом, естественно, я узнал намного позже, когда уже был в сознательном возрасте. В то время генсеки умирали как мухи, но на мне это никак не сказывалось. Да и как могло сказываться, когда ты – маленький карапуз, не осознающий всех горестей и сладостей жизни? Когда эта самая жизнь зависит от здоровья и благополучия твоих родителей. Я рос в большой семье, все мы ютились в одной квартире: я, мои папа с мамой и родители моего папы, то есть дедушка и бабушка. В основном, моим воспитанием занималась именно бабушка: она читала мне книжки, водила в ясли, а позже – в детский сад. Она во мне души не чаяла. Естественно, родители тоже меня любили и баловали – куда же без этого? Очень надеюсь, что вырос я порядочным и умным человеком, несмотря на родительские «сюсюканья».

Детский сад, в который я ходил, находился всего в пяти минутах ходьбы (способ передвижения – прим. автора) от моего дома, и я был этому очень рад – меня забирали домой практически одним из первых, да и с утра не нужно было слишком рано вставать. Ещё одним положительным моментом было то, что многие мои приятели по детскому садику жили либо в одном доме со мной, либо в соседних дворах – это тоже очень радовало. Мы общались и гуляли вместе. По дороге домой мы с бабушкой всё время заходили в магазин и пили разливные соки. Тогда практически во всех продуктовых магазинах это было нормой: там стояли большие колбы с разными видами соков. Нас знали все продавщицы, которые стояли за прилавком и было несколько случаев, когда нас угощали бесплатно. Цены тогда были невысокие, да и зарплаты и пенсии позволяли достаточно комфортно жить, не то, что сейчас – выживать.

А вообще, я не любил ходить в детский садик, равно, как и потом я не любил ходить в школу, а после – и в техникум, но об этом дальше. Я всегда просил забирать меня после обеда, если такое возможно, и иногда даже устраивал из-за этого истерики. Когда варили голубцы, запах стоял на весь детский сад, и было сразу понятно, что будет на обед. Как и все дети, я терпеть не мог молоко с пенкой, не говоря о разных киселях, морковных запеканках и борщах. После таких «пиршеств» я ещё очень долго не мог, есть борщ, вплоть до сознательного возраста. Иногда доходило до рвотного рефлекса при упоминании или запахе этих блюд.

Культурным же просветлением моего детства были журналы «Мурзилка» и «Весёлые картинки». Стоит добавить, что первый номер «Мурзилки» вышел в 1924 году и в 2019-м журналу исполнится 95 лет. Время шло, я тихонько рос и продолжал ходить в детский садик – всё шло своим чередом. И тут стоит снова сделать небольшое отступление: уже в детстве, помимо увлечений разными стихами и книжками, родители привили мне любовь к музыке, хотя я рос абсолютно не в музыкальной семье. Уже в четыре года мне подарили маленькое, детское пианино. Естественно, играть на нем я не умел и просто бил по клавишам, а ещё чуть позже мой папа подарил мне акустическую гитару, играть на которой я научусь в пятнадцать лет, когда организую свою первую группу. Возвращаясь обратно к книжкам – моим любимым произведением была «Тайна третьей планеты» Кира Булычёва, я знал это произведение наизусть. Собственно, как и моя мама, которая постоянно мне её читала. Она до сих пор вспоминает те времена, когда перечитывала её мне по несколько раз в день.

Все люди имеют свойство взрослеть – против законов природы не попрёшь, и спустя несколько лет меня перевели в другой сад – ещё ближе к дому, фактически в минуте ходьбы – его было видно из окна нашей квартиры. Не говоря уже о школе, в которой я буду дальше учиться: она стояла и до сих пор стоит в одном дворе с тем домом, в котором я жил. Где-то в возрасте пяти-шести лет я стал интересоваться шахматами – эту любовь мне привил мой дедушка по отцовской линии. Будучи ещё в предпенсионном возрасте, он часто играл в шахматы во дворе со своими знакомыми и брал меня с собой. В те времена особых развлечений не было, поэтому люди, как могли, коротали время и общались, попутно обсуждая новости в стране и делясь своими проблемами на работе и в семье.

У нас был дружный двор – летом мы постоянно играли во всякие игры: прятки, догонялки. Зимой катались на лыжах. Тогда не было интернета и мы не деградировали, как сейчас. Ещё одним из развлечений или, как сейчас принято говорить, досугов, было посещение кинотеатра все с той же любимой бабушкой. У моих родителей была знакомая, которая работала в кинотеатре кассиром и пускала нас на сеансы через служебный вход бесплатно. Так продолжалось достаточное количество времени – примерно с 1988 по 1992 год, пока не рухнул Советский Союз и не наступила грязь и разруха 90-х. За этот отрезок времени я посмотрел достаточно много хороших и, как бы сейчас сказали, классических фильмов, среди которых сразу приходят на ум «Горец», «Двойной удар», «Кинг-Конг жив», «Человек за бортом», «Рэмбо» и многие другие. Ну и как же без мультиков производства дружественных социалистических стран «Болек и Лёлек» и «Крот»? Помимо кинотеатра, куда мы ходили смотреть фильмы, я посещал все главные музеи, которые на тот момент были в Ленинграде, а позднее и в Санкт-Петербурге. И, конечно, водила меня туда моя бабушка. Вам вновь может показаться, что моим воспитанием в основном занималась именно она. Наверное, так и было – мне сейчас трудно об этом судить, но её место в моем воспитании очень трудно переоценить.

Она родилась в 1933 году в Ленинграде, прожила войну и блокаду, все эти страшные девятьсот дней в Ленинграде, помогала тушить песком фугасные бомбы. Как-то один раз в преддверии девятого мая я у нее решил узнать более подробно о блокадном детстве. Люди, пережившие этот ужас и страх, не очень охотно рассказывают о том времени. Но мне это было действительно интересно узнать из первых уст и от живых свидетелей того ада на земле. Учась уже в школе в пятом классе, я написал сочинение по литературе, по воспоминаниям того, что услышал от моей бабушки. Моя работа получилась, без преувеличения, выше всяческих похвал, и сочинение отправили на выставку. В 2013 году бабушки не стало, она уходила быстро и трагично, похудев практически на 30 кг за месяц – это была одна из разновидностей рака крови. Препараты и лечение не давали должных результатов: сказывались возраст и не очень хорошее состояние здоровья. Перед последней круглой датой, а точнее, юбилеем, я, мой папа и бабушка втроем скромно выпили по рюмке коньяка, таким образом отметив восемьдесят лет. Через десять дней её не стало. Ещё одним моим школьным достижением было участие в олимпиаде по природоведению, где я не занял никакого призового места, но сам факт участия запомнился.

Восьмидесятые... Что можно сказать? После горбачёвской перестройки и гласности всё начало вести к распаду СССР, война в Афганистане шла полным ходом и завершилась лишь в 1989 году. Но двумя годами ранее моего отца забирают на сборы в армию, хотя на тот момент он уже отслужил в ракетных войсках в Карпатах. Но всё равно, страх и неуверенность всё же были – лишь бы не на войну. Всё в итоге обошлось.

Ещё одно из ярких воспоминаний – это наша дача, а точнее, участок на 103-м километре, по московскому направлению, на границе с новгородской областью. Участок в шесть соток, лес и болото. Чтобы туда добраться, нужно идти пешком несколько километров от шоссе по бездорожью. Я помню, как огромные пни, оставшиеся от раскорчёвки участка, мои дедушка и папа связывали тросами и с помощью лебедки выковыривали эти гигантские деревья с кор-

невищами, похожими на паутину. Облагородив участок, начали строить дом, что заняло достаточно много времени. Если сам сруб и крышу нам помогала строить бригада наёмных рабочих, то позже всё достраивал мой отец практически в одиночку – лишь, когда я уже сильно подрос, то стал помогать ему. Да и стройка проходила только весной и летом, потому что зимой было ничего не сделать.

В 1988 году приходят печальные известия: умирает мой дедушка по отцовской линии. Сердечный приступ, инфаркт и мгновенная смерть. Спустя почти тридцать лет ночью от обширного инсульта умрёт мой отец. Один и тот же возраст, одни и те же обстоятельства, одна и та же судьба: не дожить неделю до своего дня рождения – рок вновь повторил злую шутку с нашей семьёй.

Возвращаясь к дачной теме – позже мы стали ездить на электричке на нашу «фазенду», из-за того, что автомобиль был разбит и пришёл негодность после очень крупной аварии, которая произошла с моим отцом. В автомобиль, в котором он был за рулем, врезались сразу две машины, что очень сильно пошатнуло здоровье отца. Было сломано несколько рёбер, разорваны сухожилия на левой руке. Если рёбра позже срослись, то с рукой остались необратимые потери в здоровье – до конца своей жизни отец не чувствовал трёх пальцев на левой руке и не мог их до конца сгибать.

После аварии у нас ещё долго не было своего автомобиля – вплоть до середины девяностых годов. А пока приходилось идти пешком от станции до дачи порядка семи километров, через лес и грунтовые дороги, и мне было тогда около шести лет. Самое главное, что меня сейчас поражает – я не капризничал и не устраивал истерик и шёл вместе со всеми. И ещё несколько слов о советском автопроме: у нашей семьи в то время была тринадцатая модель «Жигулей», и эта копия итальянского «Фиата» по тем временам была достаточно престижной. «Волги» тех времен – это аналоги современных «Мерседесов» представительского класса. Для тех, кто победнее, автопром предлагал «Москвича» или «Запорожец». Ну, а для любителей более экстремальной езды был «УАЗ»

Ещё одним из самых важных событий 1988 года стало рождение моего брата Николая, которого называли в честь деда по отцовской линии. Дедушка не дожил всего несколько месяцев до рождения второго внука, ну, а осенью всё того же года, я пошел в школу – первый раз в первый класс. Наша школа, как я писал выше, находилась прямо во дворе, и все мои знакомые и друзья по детскому садику тоже пошли вместе со мной в первый класс. С парочкой ребят я поддерживаю отношения до сих пор. Ещё одним из важных и интересных моментов было то, что некоторые учителя, например, по истории и рисованию, преподавали ещё моему отцу, который тоже учился в этой школе. Можете себе представить, сколько им было лет и какой закалки они были. Буквально совсем недавно, весной 2018 года, я встретил нашего учителя физкультуры, Георгия Ивановича.

Летом мы частенько на все каникулы и отпуск родителей ездили на малую родину моей мамы, в деревню в Ярославской области. Чудесный, живописный край на берегу Рыбинского водохранилища – курорт. Солнце, вода, парное молоко, да и просто хорошая погода – что еще нужно растущему организму? Помню, как мы с отцом поехали в город Углич, что тоже находится в Ярославской области, катались на лодке по озеру, где на водной глади красовались большие лилии.

В деревне у меня было два приятеля: это Серёга Свинороев (не правда ли очень необычная фамилия?) и Александр Шурыгин. Сергей был отвязным хулиганом и баламутом, но очень умным парнем – постоянно что-то конструировал и изобретал. Вместе с Александром они были, не разлей вода, да и как не быть, когда в самой деревне, откуда родом моя мама молодёжи практически не было, все разъехались по городам и весям в поиске лучшей жизни. Деревня оживала только летом, когда все приезжали погостить к своим дальним родственникам. В начале двухтысячных годов я узнал от своей двоюродной сестры, которая вместе училась в

одном классе с Сергеем, что тот попал в автомобильную катастрофу и погиб. Что стало с Александром, мне неизвестно.

Ещё всплывает в памяти один эпизод, связанный с летом в деревне – это когда я играл в так называемые «ножички». Для тех, кто не знает, поясню. Это когда ты берёшь ножик и кидаешь его в землю так, чтобы тот с первого раза воткнулся. На дворе было лето, да и заняться было нечем, и, коротая время, я иногда играл в эту игру. Ну, и на свою беду, доигрался – воткнул себе ножик в большой палец ноги, так как играл босиком. Крови было на удивление мало, и рана достаточно быстро зажила.

Ну и, конечно же, стоит ещё упомянуть о нашей поездке на машине к родственникам в Таллинн. Это тоже очень сильно отложилось в памяти – саму дорогу я не очень помню, а вот старый город и смотровую площадку я запомнил надолго. Несмотря на то, что Эстония тогда входила в состав СССР, это всё равно была совсем другая страна: одежда, манера разговаривать, еда, да и многие другие факторы, которые различались даже в больших столицах, таких, как Ленинград и Москва, не говоря уже о провинции. Это был другой, красочный мир и глоток свежего воздуха для нас.

И, собственно, о школе: наверное, это было сродни шоку. Когда всё в первый раз, много людей, непонятные учителя пытаются тебе что-то донести – настоящий стресс. Я, если честно, практически не помню, как учился с первый по третий класс. В моей памяти сразу всплывает только четвертый, когда мы учились во вторую смену и приходили на занятия к часу дня. Перед школой я смотрел разные фильмы на видеомagneтoфoнe: трилогию «Индиана Джонс», «Универсальный солдат», «Монашки в бегах» и другие. И, конечно, запомнилась школьная форма, одинаковая для всех, чтобы никто не выделялся своей индивидуальностью. Хотя я уже тогда на свой школьный пиджак навешивал разные значки и булавки, что-то писал шариковой ручкой на портфеле, который терпеть не мог, поэтому позже заменил его на рюкзак, с которым ходил вплоть до техникума. Кроме того, в школе я посещал группу продлённого дня – это когда после занятий, ты остаешься в школе в специальном классе и ждешь, когда родители придут и заберут тебя. Всё то же самое, что в детском саду.

Ещё у меня был классный велосипед «Школьник». Цвета морской волны, как бы сейчас его называли медийные проститутки из «ящика», заменяя обычный синий цвет на коммерческий термин, чтобы что-то быстро продать. Я обклеил его разными наклейками и переводами, обвесил катафотами и накрутил разноцветную проволоку на спицы. Велик получился, как бы сейчас сказала молодежь, хипстерский. Я на нем гонял практически каждый день по несколько часов, нарезая десятки километров по району. Если я не ездил на велосипеде, значит, мы играли в «квадрат» – очень классную игру. Кто хочет узнать о ней больше, советую загуглить и почитать об этом увлекательном спортивном процессе.

В школе у нас были свои игры: это «Конный бой» и, конечно же, «Сифа». Опять же, чтобы не расписывать все подробно и «лить воду», советую снова обратиться за помощью в интернет. Помимо развлечений были и серьёзные занятия: в четвёртом классе меня взяли в школьный хор, но закончилось это практически сразу, я присутствовал всего на двух занятиях и дальше дело не пошло. Не нравилось мне петь то, что от нас требовали. Ещё мы всем нашим классом снимались в документальном фильме, посвященном русскому народному творчеству. Подробных деталей съёмок я не помню, запомнились лишь слова режиссёра, который просил не смотреть в камеру, чтобы всё выглядело естественно. После завершения съёмок и монтажа мы ездили на студию «Ленфильм» смотреть это произведение. Как оно называется, я не помню, хотя сейчас бы я этот фильм с удовольствием бы посмотрел.

Ещё я занимался боевыми искусствами, а точнее тхэквондо. Отец записал меня на секцию, все занятия проходили в спортивном зале нашей школы. Хватило меня ненадолго – всего на два года. Не очень помню причину, по которой я туда перестал ходить. Но думаю, это было

уже связано с тем, что распался Советский Союз. Хотя я и успел поучаствовать в соревнованиях, а в 1992 году мы с отцом ходили на чемпионат мира по тхэквондо в СКК.

Одним из негативных воспоминаний, связанных со школьными годами было то, что я постоянно с кем-то дрался. Я лупил всех своих одноклассников, ничем не утруждая себя. Любое неуважение в мою сторону, любая фраза, которая, по моему мнению, меня оскорбляла – и оппонент сразу получал в лицо. Одно время весь класс даже объявил мне бойкот и около двух недель все со мной не общались. Я не расстроился – мне было всё равно, если учесть, что из всего класса плотно я общался всего с несколькими людьми. Да и во дворе такая тактика тоже продолжала действовать с некоторыми приятелями. Я не смотрел ни на возраст, ни на комплекцию – я просто давал в морду, когда считал нужным.

В четвертом классе нас приняли в октябрята – это было неожиданно, как снег на голову. Впрочем, на нас это никак не отражалось, лишь только значок с юным Владимиром Ильичом появился на моей школьной форме. В пионеры нас уже не успели принять – рухнул Советский Союз. Тогда же в нашу страну хлынули «буржуйские» товары, на которые мы «молились»: водка «Black death» и «Rasputin», шоколадки «Snickers» и «Mars» и, конечно же, жвачки «Turbo» и «Donald duck». Мы все коллекционировали фантики от этих жвачек и обменивались ими. Кроме них, я коллекционировал алюминиевые банки из-под пива и разных газированных напитков. Мой отец работал в ленинградском торговом порту и этого добра там было навалом. Также я коллекционировал и пустые пачки из-под сигарет. Большую часть занимали импортные, которые отец приносил мне с работы, так как в нашей стране ещё не было большого выбора.

Вспоминая последние годы «совка», стоит упомянуть развитие и появление новых детских передач, таких, как «Бросайка», «В гостях у Паутиныча», «Большой фестиваль», а позже – «До 16 и старше». Сейчас такого телевидения уже нет, и не будет. Как яркий пример можно привести передачу «Спокойной ночи, малыши», не один десяток лет транслируемую по первому каналу, которую сначала перенесли на отдельный телеканал, а после и вообще убрали.

А ещё под самый занавес Советского Союза, пока мы не переехали, я вспоминаю чудесное лето, когда я с братом и мамой посетил цирк в Автово, тогда я первый и последний раз в жизни побывал в этом доме многообразий и каламбуров. Запомнилось выступление легендарного клоуна Олега Попова, который во время своего выступления пошёл по рядам и пожал мне руку. Естественно, это было не специально, а просто часть выступления, к тому же я сидел в крайнем кресле возле прохода. В 1991 году великий клоун уехал жить в Германию, при этом сохранив российское гражданство. И вернулся обратно уже в современную Россию в 2015 году к открытию цирка Чинизелли в Санкт-Петербурге. А годом позже – осенью 2016 года, умер от остановки сердца на 87-м году жизни.

Глава 2. девяностые – это дичь

Девяностые настигли внезапно. «Лебединое озеро» по всем каналам, Ельцин на танке, практически, как Ильич на броневике, горящий Белый дом и куча ментов и ОМОНа на улицах. Пустые прилавки в магазинах, крупные финансовые пирамиды, еда по талонам и забастовки шахтёров. Это всё коснулось и моей семьи, не говоря уже о стране. В 1993 году мы получили новую квартиру на окраине Петербурга и всей семьей в неё переехали. Я перевёлся в новую школу, а мой брат – в новый садик.

Сначала было очень непривычно – мне понадобилось около двух недель, чтобы нормально влиться в коллектив и привыкнуть к новым одноклассникам. Фактически я был тем самым новичком в представлении стереотипного мышления большинства. Был тем, над кем должны были всем классом издеваться, но такого не произошло. Наоборот, я подружился довольно плотно с несколькими ребятами и все стало на круги своя. Я стал своим в новом коллективе.

Если в шестом классе, пока я учился, всё было достаточно спокойно – без эксцессов и происшествий, то уже в седьмом мы сорвались с катушек и ушли в полный отрыв. Всю первую четверть мы попросту прогуляли – школа нас не интересовала. Папа моего друга, Ивана Дорофеева, был крупной ментовской шишкой, и денег у него было, попросту говоря, завались. Думаю, легко представить, откуда брались эти деньги, тем более в девяностые. Мы стали выпивать разные алкогольные напитки, ни в чём себе не отказывая. Естественно, это были не водка и коньяк, а только что появившиеся джин-тоники с разными фруктовыми вкусами. Потом мы перешли на вино и вермут. Покупали мы все эти яства недалеко от школы, в которой учились и всё время в одном и том же ларьке. Мы подружились с продавщицами – молодыми девчонками старше нас всего на несколько лет и потом просто тусовались с ними то на рабочем месте, то у них дома. Отрывались на полную.

Но так не могло продолжаться долго – всё рано или поздно всплывает наружу и о наших «похождениях» стало всем известно, в том числе, и нашим родителям. Наш классный руководитель Светлана Николаевна, преподававшая музыку, как сейчас помню – была типичной российской женщиной, по характеру похожей на мою маму и конфликтов у меня с ней не возникало. Но был только один большой минус для меня: она водила свою дочь в садик, где моя мама работала воспитателем, да ещё и именно в ту же группу. Думаю, несложно представить, что Светлана Николаевна могла сообщить обо всех моих проделках из первых уст – на родительские собрания маме в школу можно было не ходить.

По окончании первой четверти мы все ушли на каникулы, а наши «умные» учителя и завучи решили, что моего друга Ивана нужно перевести в противоположный класс, чтобы мы вместе не прогуливали – таким методом они решили бороться с нашими прогулами и не портить статистику. Стоит ещё упомянуть и о третьем нашем соратнике по гулянкам, Михаиле. Он учился на класс выше, так как был старше нас, но это его не останавливало, да и зачем, когда живем только один раз. А вообще, Михаил – очень трагичной судьбы человек. У него было две сестры, за которых он заступался, защищал их – буквально пылинки сдувал, был настоящим рыцарем, Братом с большой буквы. Но на празднике «Алые паруса» произошёл несчастный случай, который изменил жизнь Михаила. Одна из его сестёр, которая была уже постарше и интересовалась противоположным полом, гуляла со своим молодым человеком по набережной, и между ними произошёл конфликт. Что именно случилось, мне неизвестно, но она покончила с собой, прыгнув в реку и, так как она не умела плавать, то попросту захлебнулась и утонула. А тот, кто был в Санкт-Петербурге и видел набережные реки Невы в районе Дворцового моста, тот поймёт, что там достаточно высоко и выбраться из воды сложно. Спассти тонущего человека, несмотря на многочисленную толпу, не удалось. Не знаю, что побу-

дило Михаила на столь радикальный ответ и, не побоюсь слова, месть. Думаю, это настоящая и искренняя любовь брата к сестре, настоящее воспитание мужчины, который не смог остаться в стороне. Бог ему судья, неизвестно, как бы мы сами поступили в такой ситуации. Михаил решил наказать обидчика сестры и попросту взял и убил его. Как это произошло, я описывать не буду, скажу лишь, что он понёс наказание за свой поступок. Отсидел положенный срок в тюрьме и вышел абсолютно вменяемым, не обиженным на жизнь человеком, без быдло-зековских замашек и прочей, как принято говорить, «тюремной романтики».

Ещё в девяностых годах появились молодежные субкультуры: рэперы, рейверы, гранжеры, вновь переродились, как птицы Феникс, металлисты и панки. Рынки и вещевые барахолки стали заполняться атрибутикой этих течений. На каждом втором можно было увидеть футболку с лицом Курта Кобейна из группы Nirvana и Егора Летова в круглых очках, мрачно смотревшего куда-то вдаль сквозь колючую проволоку на фоне зимнего бесконечного поля. Вторая же половина носила широкие джинсы-трубы и футболки с надписью «Опух». А сколько было драк, стрелок на почве этих субкультурных разногласий! Нельзя было пройти мимо ни одного забора, чтобы не увидеть на нем надпись «Рэп – это кал». Я тоже был одним из ярких представителей этих субкультур и носил футболки и балахоны с группами Nirvana, Sex Pistols, Гражданская Оборона и Exploited.

Из самых радикальных субкультур были, пожалуй, скинхеды – обыкновенные отщепенцы, прятавшиеся за партийными боссами типа Лимонова и Баркашова. В середине нулевых к этим субкультурам добавилось ещё такое явление, как «эмо», в котором нельзя было толком отличить, где мальчик, а где девочка, ибо андрогенный стиль и манеры были характерны для обоих полов. Ну и, конечно, готы: мрачная эстетика, а на деле – обыкновенный фетиш и выпендрёж, латекс, кожа и подведённые глаза. Девушки в таких одеяниях больше были похожи на секс-кукол для БДСМ или для развлечения на SM-party. Наверное, никто и не мог представить, что уже через десять лет после этого в России не останется вообще ни одной субкультуры – за последние несколько лет я не видел ни одного гота или эмо, не говоря о скинхедах.

Но вернёмся к школьным порам. Я хотел бы рассказать вам ещё об одном нашем однокласснике, Диме Бухарове, по прозвищу «Бух». Он был страшным двоечником и прогульщиком, полным маргиналом и отщепенцем. Уже в седьмом классе он употреблял наркотики: курил траву, на каждой перемене выкуривал «косяк» с такими же, как он, старшекласниками. Он снабжал их травой, а говоря проще, был «барыгой». Откуда он брал «товар», мы не знали, да и не интересовало это нас. Сидя за первой партой, он умудрялся забивать косяк, чтобы на перемене вновь пойти и курнуть. Позже дошло до того, что из-за его прогулов на всех уроках присутствовали поочередно его родственники: отец или брат. Смотрели, чтобы тот не сбежал вновь. Школа и образование его мало интересовали, и он ушел из неё, едва закончив восьмой класс.

Но самым пиком стало ограбление квартиры другого нашего одноклассника, Азада. Не знаю, кто он был по национальности, но подозреваю, что чеченец, хотя на эту тему мы никогда не разговаривали. Азад был неплохим парнем, ничем не отличался от нас, его отец имел свой небольшой бизнес и денег в семье было довольно прилично. И вот Азад подговорил «Буха» за небольшой, как принято говорить сейчас, откат, обокрасть свою собственную квартиру. Но надо сказать, что оба жили в одном доме и в соседних парадных – на что они надеялись, мне совершенно непонятно. После состоявшейся кражи не прошло и нескольких дней, как все уже были в курсе того, кто это сделал, а наш друг «Бух» поехал в СИЗО. После отсидки на зоне за кражу в квартире его криминальная жизнь так и не закончилась. Периодически я слышу от общих друзей, что Дмитрий снова вышел или вновь поехал по этапу. В свои тридцать пять лет за плечами уже четыре «ходки» и, думаю, это не предел.

Еще одним печальным фактом, который очень сильно потряс наш класс, стало трагичное событие, которое произошло в семье нашей одноклассницы Ольги (я намеренно не пишу её

фамилию). Когда её отец возвращался вечером после работы, на него набросилась стая диких собак. Произошло это на территории фирмы «Лето», сейчас этого большого агрокомплекса уже не существует. Мужчина отбивался, как мог, но силы были на не его стороне. Свора озлобленных животных загрызла его насмерть. Через несколько дней после этого трагичного случая несколько нарядов милиции отстрелили на районе практически всех бездомных собак.

Стоит немного рассказать и о наших развлечениях того времени. В конце восьмидесятых появились первые компьютеры типа «Спектрум», а в девяностые пришел «бум» на приставки «Dendy», «Sega», «Super Nintendo», а также их китайские аналоги. Картриджи с играми можно было купить в любом ларьке и на любом рынке. Доходило до того, что можно было обменять любой картридж с игрой на новый с небольшой доплатой и таким образом поиграть в новые игры без особых затрат. Телевидение тоже не отставало в этом плане и в программе «Марафон-15» была целая рубрика, посвященная новым играм, выходившим на этих консолях, которая называлась «Денди – Новая реальность»

Ещё вспоминается культовый молодёжный сериал «Элен и ребята». Уже ближе к концу девяностых был похожий сериал, но уже американского производства – «Бухта Доусона», ну и, конечно же, мультики – «Трансформеры», «Волтрон», а также Дисней по выходным: «Утиные истории», «Черный плащ» и другие.

Ещё мы очень любили играть в игру под названием «Поп» – это когда нужно палкой сбить стоящую банку или бутылку с определенного расстояния и потом забрать своё, так сказать, орудие. Это если рассказывать вкратце, а если кто-то захочет узнать об игре более подробно, то интернет вам в помощь. Естественно, здесь всё шло в ход: от дубины и ветки, сломанной во дворе, до металлической трубы или куска арматуры. Как раз вот таким куском один раз сильно травмировали нашего водящего: брошенный прут арматуры попал ему в ногу и сильно там засел. Мы очень сильно перепугались. Но, как ни странно, ничего серьёзного не было, кровопотеря тоже оказалась небольшой, рана неглубокой, и мы продолжили нашу опасную игру дальше. Ну и, конечно, футбол, куда без него – любимая игра всех мальчишек. Через дорогу от нас был стадион «Самсон», который принадлежал одноимённому мясоперерабатывающему заводу, и там было два футбольных поля. В летние и свободные от игр дни, на этом стадионе тренировалась команда-дубль «Зенит». Мы ходили на их тренировки, усаживались на скамейки и с неподдельным интересом за ними наблюдали.

Естественно, нас, молодых сорванцов, не мог не заинтересовать и противоположный пол. Молодая подростковая кровь и гормоны делали свое дело. Мы начали щемить своих одноклассниц и знакомых девчонок с параллельных классов по углам школьных коридоров, а потом и по углам парадных, где мы частенько зависали. Мы начали курить – я завёл эту вредную привычку в седьмом классе, и она брала верх надо мной почти семь лет, но в итоге я переборол себя, всё-таки бросил и не курю уже очень продолжительное время. Ещё мы любили играть с девчонками в карты на раздевание. Естественно, мы жульничали и старались всеми силами их раздеть. Надо сказать, что некоторые особы и не сопротивлялись нашей нечестной игре, наоборот – порой мне казалось, что они сами были не прочь раздеться, дай только повод.

Девяностые – это дичь. Помимо хлынувшего в нашу страну дешёвого и некачественного спирта «Рояль» и прочих суррогатов, от которых люди умирали пачками, к нам хлынули наркотики из стран бывшего СССР. Активизировались и расширились кавказские преступные группировки, которые «крышевали» все рынки. Достаточно посмотреть и вспомнить фильм Балабанова «Брат». Токсикомания... Сколько было на улицах подростков и совсем детей с пустыми безумными глазами, дышащих из пакета клеем «Момент»... Это мерзкое занятие ско-сило немало представителей нового поколения, а война в Чечне окончательно добила уже старших и здравомыслящих ребят. Да и за примером особо далеко ходить не надо – война задела и нашу семью, когда мой двоюродный брат Вадим получил повестку в армию, а позже отправился в горячую точку. Закончилось всё хорошо – Вадим отслужил, вернулся домой, живет

благополучной жизнью: семья дети, карьера... А сколько таких, как он, вернулись обратно в цинковых гробах? Наше правительство кидало на убой своих граждан. Конечно, «человеческий ресурс», зачем о нём думать? На эту тему есть отличный фильм 2014 года, который называется «Поиск» – всем совету по посмотреть.

Появились молодежные группировки, занимающиеся беспределом, «кидавшие» на деньги и на всё, что было в карманах у зазевавшегося прохожего. Злоумышленник мог и просто сорвать меховую шапку-ушанку и быстро скрыться в темной подворотне. Доходило до абсурда: сегодня могли «кинуть» тебя, пока ты шёл с одноклассниками из школы домой, а завтра уже ты со своими одноклассниками, мог дать такой же ответ и «кинуть» эту же ничего не подозревающую компанию – заставить вывернуть карманы и по праву численного превосходства забрать всё, что сочли нужным, в отместку вчерашних грязных деяний своих обидчиков.

Криминал, убийства, грабежи были повсюду. Люди озлобились – в очередях доходило до мордобоя, когда люди стояли в магазины с пустыми прилавками. Еда по талонам. Девизом того времени стала фраза «человек человеку – волк», как пел в конце восьмидесятых в своей песне Егор Летов. Этот криминал не прошел и мимо меня, когда во время прогулки по Кировскому району, району своего детства, я попал в драку и меня пырнули ножом. Это был один из самых криминальных районов того времени. Мне повезло, что жизненно важные органы были не задеты. Сыграло роль и то, что на мне было много одежды, так как была уже поздняя осень и удар, который мне нанесли ножом, прошел вскользь. Отдельная история о том, что было в больнице – такой разрухи, разгильдяйства и безразличия к своей профессии, нужно было поискать – это я о медиках первой детской городской больницы номер один, что находится на Авангардной улице.

Само собой, мы тоже не отставали от грязных делишек. В девяностых произошло несколько денежных реформ – одна из них уже во второй половине десятилетия. Если кто помнит, то купюра достоинством в тысячу рублей, была абсолютно схожей со стотысячной. Всё тот же вышеупомянутый мною «Бух» придумал такую схему: он аккуратно вырезал из купюр цифры и буквы и искусно приклеивал их к банкноте. Таким образом, купюра из тысячной превращалась в стотысячную. Естественно, такие банкноты нужно было как-то сбывать, но очень аккуратно, чтобы не попасться. Как правило, такие «деньги» обменивались вечером в плохо освещённых ларьках, когда покупалась какая-нибудь дешёвая ерунда, чтобы получить сдачу с поддельной купюры и уже чистые, не фальшивые деньги получить на карман. Такими деньгами можно было расплатиться с только что приехавшими «бомбившими» «гостями» из Средней Азии, для которых всё было в диковинку, или «развести» торговцев у метро, сунув им якобы впопыхах такие деньги. В общем, было достаточно способов избавиться от подделки и получить взамен чистые деньги.

И последняя история для завершения криминальной темы. В середине девяностых по телевизору стали рекламировать фруктовые концентраты для сока «Yuri» и «Zuko». Их было много разных видов и кроме сахара, красителя и пищевой добавки, там ничего не содержалось. Одним словом, химия. За моим домом находилась промышленная зона с железнодорожным полотном и на нём частенько стояло несколько вагонов в так называемом «отстойнике». Территория не охранялась, и туда можно было очень легко попасть – достаточно было перелезть через забор. Если кто-то нас и гонял, то это были рабочие, случайно увидевшие нас, но кроме как кричать на нас, они не могли, а нам на это было, естественно, наплевать. Кто-то из нас решил вскрыть один вагон, долго стоявший и мозоливший нам глаза уже не один месяц. Каково же было удивление, когда обнаружилось, что этот вагон под завязку набит коробками с этими концентратами. Подростковой радости не было предела. Слух быстро разошёлся по нашему району и уже вся молодёжь и шпана считала своим долгом перелезть через забор и стащить несколько упаковок этого живительного, как нам казалось, чудного напитка.

Весь дачный период 1995 и 1996 годов, мы с отцом занимались плотным строительством дома, а точнее его внутренней отделкой, а позже кладкой фундамента, до этого дом стоял на железобетонных столбах. За одно лето мы полностью сделали планировку всего дома. Разбили на комнаты, зашили досками, сделали потолки. Приходилось пилить, строгать, забивать гвозди, сделали свою мастерскую на веранде. Нарезали ручную доску-вагонку для отделки потолка. Этаким «хэнд-мэйд», как сейчас принято говорить. Второй этаж тоже был сделан по такому же принципу – сейчас там одна большая просторная комната. Думаю, что в скором времени там расположится наша небольшая студия, когда мы с братом будем активно отдыхать летом и, чтобы не ездить в город, займемся записью наших треков на природе с видом на лес.

В 1996 году нам предстояла очень сложная и долгая работа: нужно было сделать заливку фундамента, но ни отец, ни я понятия не имели, что и как делать. Материал уже был – кирпичи, песок, цемент, а опыта не было. Почитав нужной литературы и поспрашивав советов у людей, компетентных в этом вопросе, мы приступили к работе. Не буду описывать весь трудоёмкий технический процесс, но в итоге, залить опалубки и выставить первые столбы мы смогли. Ну, а дальнейшей кладкой кирпича занимался уже мой отец со своим товарищем, который искусно это делал.

И, чтобы окончательно закрыть тему дачной стройки, ещё одна запоминающаяся история. Мой отец купил большие металлические листы, для того, чтобы покрыть ими крышу нашего дома. До этого крыша была покрыта рубероидом. Листы были пропитаны маслом, для защиты от внешнего воздействия, однако это им не помешало начать ржаветь от неправильного хранения. Моя задача состояла в том, чтобы с помощью электрической дрели и специальной насадки удалить всю ржавчину, чтобы в дальнейшем можно было покрыть листы грунтовкой и краской. Скажу я вам, работа эта была достаточно трудоёмкая, да ещё и на жаре, лето всё-таки. Да и ржавчина, как назло, быстро не сходила. Эта работёнка меня сильно напрягала, а под конец уже окончательно бесила: пропади пропадом эта дрель! Какая работа, когда на улице лето, кругом природа, надо отрываться и гулять! Мои родители стали замечать, что энтузиазм в моих глазах очень быстро угасает и, чтобы как-то стимулировать мою работоспособность, пообещали мне купить аудиокассету с любимой группой, которую я сам выберу. Не помню, что я в итоге приобрёл, но такой порядок вещей меня устроил. Я очень люблю музыку – я настоящий меломан. Скажу больше: я – профессиональный музыкант с большим стажем. Но об этом в этой книжке не будем. Всем, кому интересен мой творческий музыкальный путь, могут прочитать мою книгу «Воспоминания рок-н-рольщика» – там всё подробно изложено. В итоге я закончил работу с листами, потратив на это занятие несколько недель и впоследствии, мы покрыли ими крышу нашего дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.